

Ольга Куно



**ЗАПИСКИ ФАВОРИТКИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ТОРНСАЙДСКИЕ ХРОНИКИ
НЕВЕСТА ПО ЗАВЕЩАНИЮ**



Ольга Куно



Невеста по завещанию

Роман

Москва, 2014
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К91

Художник
В. Федоров

Куно О.
К91 Невеста по завещанию: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 280 с.:
ил.

ISBN 978-5-9922-1847-3

Как говорится, из огня да в полымя. Едва Ника покинула стены строгого, опостылевшего пансиона, как сразу попала в замок к виконту Телбриджу, невестой которого оказалась по завещанию покойного отца. Виконт мрачен, нелюдим и совершенно не жалует вновь обретенную невесту. То ли дело молодой и обаятельный лекарь, который предлагает Нике бежать из замка и тайно обвенчаться в маленькой часовне. Вот только не все так просто, как может показаться. Лекарь отнюдь не кристально честен, виконт совсем не так страшен, да и сама Ника далеко не обычная девушка, ибо обладает редким даром Живой Крови. И теперь ей предстоит научиться отличать черное от белого в этом непросто, запутанном мире. И конечно же найти свою любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Куно, 2014
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1847-3 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ГЛАВА 1

Карета остановилась перед массивными каменными ступенями, ведущими к входу в замок. В последний раз скрипнуло многострадальное колесо, возвещая о конце путешествия. Я расправила плечи, pokrутила головой из стороны в сторону (шея основательно затекла) и распрямила ноги, насколько мне позволяли размеры кареты. Оказывается, продолжительное сидение на одном месте — особенно если оно сочетается с монотонной, выматывающей душу тряской, — может утомить сильнее тяжелой работы.

А ведь я так ждала этой поездки. Боялась, конечно, не скрою, очень боялась, но и ждала тоже. Даже не знаю, какое чувство было сильнее. Желание покинуть пансион после четырех невыносимо долгих лет было настолько сильным, что притупляло даже страх перед неизвестностью. И поначалу я действительно получала удовольствие от поездки: сидя в карете в полном одиночестве, мне наконец-то не надо было что-либо изображать из себя. Можно было просто прильнуть к окошку и разглядывать сменяющие друг друга пейзажи. Сперва шли огромные пушистые луга, словно зеленая махровая ткань, местами украшенная заплатами из цветов, — преобладали незабудки, розовый клевер, а также редко встречающиеся в других графствах оранжевые маки. Выглянув из окна, можно было уви-

деть далекие силуэты гор, подернутые белесой дымкой. Постепенно горы становились ближе, а луга сменялись хвойным лесом, который впоследствии уступил место засеянному полю. Тогда я предположила, что мы подъезжаем, и в общем-то была права. Только не знала, что даже отсюда ехать придется почти целый час.

И постепенно, по мере того как карета продвигалась через поля к деревням, а потом через деревни к городу, эйфория отступила, а на ее месте поселилась тревога. Поначалу она была едва ощутимой, сопровождала меня легким фоном, но, стоило мрачному силуэту замка показаться из-за склона очередного холма, беспокорство захватило меня без остатка. Что-то будет...

Я качнула головой, стараясь отогнать собственные страхи. Вдруг все окажется не так уж и плохо?

Меж тем слуга, посланный хозяином замка, чтобы привезти меня сюда из пансиона, спрыгнул с козел, где все это время ехал рядом с кучером, и отворил мою дверцу. Опираясь на поданную им руку, я вышла из экипажа. Не сказав ни слова — он вообще был неразговорчив, — слуга захлопнул дверцу и направился к задней части кареты, где был привязан сундук с моими вещами. Я проводила его взглядом. Этот человек казался мне немножко странным: крупный, широкоплечий и при этом несколько несуразный, весь какой-то...квадратный. Квадратным казалось и туловище, и даже голова, обрамленная светло-рыжими волосами. Впрочем, может быть, ничего несуразного в слуге и не было. Просто за годы жизни в пансионе я почти успела забыть, как выглядят мужчины...

Эта мысль заставила меня снова вспомнить о главном мужчине, обитавшем в этом замке, к которому меня, собственно, только что и привезли. Руки начали едва заметно дрожать. Спокойно, Николь, спокойно. Ты его еще даже ни разу не видела. Настраивайся на

лучшее. Он может оказаться умным и приятным в общении. И даже привлекательным внешне. Кто знает? В конце-то концов не зверем же был мой отец. Мир его праху... Пусть он и не горел желанием особенно часто видеть свою дочь, но не мог же он распорядиться в своем завещании, чтобы меня отдали в жены кому-то совсем уж ужасному?

Эту мысль как молитву я повторяла про себя последние несколько дней, и с каждым разом верила в нее все меньше. Кто вообще знает, что взбрело в голову моему отцу? Да простят меня боги, я знаю, нельзя так думать о мертвых, но взять и завещать свою дочь постороннему человеку — поступок, мягко говоря, нестандартный. И вряд ли можно было рассчитывать, что он приведет меня в восторг.

— Прошу вас, госпожа. Виконт вас ждет.

С сундуком слуга выглядит еще более несуразно, но его голос звучит настойчиво, почти повелительно. Или мне только так кажется? В любом случае, я покорно киваю и медленно шагаю следом за ним к каменным ступеням. Несколько человек столпились на пороге специально для того, чтобы поглазеть на меня. Они разглядывают меня без всякого стеснения, совершенно не скрывая своего интереса. Наверное, обсуждали последние несколько дней и теперь высыпали посмотреть, совпадаю ли я с образом, который они нарисовали... И я не выдерживаю, опускаю взгляд, хотя и знаю, что так нельзя, что необходимо с самого начала правильно себя поставить. Жаль, что как раз этому-то нас в пансионе и не учили. Готовили, напротив, быть смиренными, робкими и покорными. Впрочем, и этому я научилась только притворяться. Лицемерие — главный урок, который необходимо постичь, чтобы жизнь в религиозном учебном учреждении оказалась сносной.

Слуги, хоть и в самый последний момент, расступа-

ются. Я прохожу внутрь. Передо мной — просторный зал вытянутой формы. Впереди и чуть справа — каменная лестница, которая уводит вверх, на следующие этажи. В зале холодно и полутемно. На свечах он, что ли, экономит, этот виконт? Может быть, в таком случае я именно для того ему и понадобилась: чтобы поправить плачевное финансовое положение? Все-таки приданое у меня совсем неплохое.

Высокие витражные окна из цветного стекла. Казалось бы, красиво, но тона какие-то тоскливые, и краска с трудом пропускает внутрь солнечный свет, добавляя помещению мрачности. В центре зала опять толпятся слуги, но эти уже рангом повыше. Они тоже смотрят на меня с нескрываемым интересом, а некоторые периодически перешептываются. Я же стою перед ними в нескольких шагах от порога и испытываю почти непреодолимое желание развернуться и выбежать за дверь. Но прекрасно понимаю: бежать мне некуда и вернуться все равно придется, а тогда будет только хуже. И потому продолжаю оцепенело стоять, ожидая, когда появится хозяин замка.

Не выдержав, опускаю глаза и вижу собственные ноги, вернее скрывающую их юбку, синюю в белую полосу, достаточно длинную, чтобы быть пристойной, но в то же время и не в пол. Юбки в пол считаются нескромными, поскольку, как нам объяснили в пансионе, привлекают излишнее внимание мужчин. Вот я и стою здесь в своем ужасном ученическом наряде, в целомудренной белой рубашке, верхняя пуговица которой давит на горло так, что даже дышать тяжело, и в нелепой юбке, которая совершенно мне не идет...

Заодно я украдкой рассматриваю собравшихся. Вон тот невысокий мужчина справа, вернее всего, дворецкий, а вот этот, в приметной куртке, наверное, главный лесничий. Рыжеволосая женщина лет двадцати пяти что-то зашептала на ухо своей соседке, и обе бро-

сают на меня насмешливые взгляды. Не могу определить ее должность. Вторая — точно горничная, но рыжеволосая одета не по форме; на ней чрезвычайно нескромное платье вызывающего красного цвета. Совершенно вопиющее непотребство. Интересно, а мне тоже позволят носить что-нибудь подобное?..

Я все-таки не выдерживаю их взглядов, которые, как мне кажется, делятся на насмешливые и враждебные. Но все время смотреть в пол тоже нельзя, и я делаю вид, будто чрезвычайно заинтересовалась висящим на стене искусно выполненным гобеленом. Это знаменитое изображение на религиозную тематику: «Святой Веллир силой мысли убивает дракона». Это лишь одна из целой серии подобных картин: «Святой Веллир силой мысли побеждает демона», «Святой Веллир силой мысли разводит огонь» и прочая, и прочая. Я слегка улыбаюсь: вспоминаю альбом с карикатурами, который девчонки как-то раз отыскали в одной из спален между днищем кровати и матрасом. Видимо, рисунки были выполнены и спрятаны одной из прежних учениц пансиона. Помимо традиционных изображений там были добавлены еще два: «Святой Веллир силой мысли лишает святую Катильду девственности» и «Святой Веллир силой мысли зачинает святой Катильде ребенка». Улыбка слетает с моих губ: тех двух девочек, которых застали с этими рисунками, потом били по рукам розгами. И делали это публично, прекрасно понимая, что посмотреть карикатуры успели все. Бить всех не станешь, но и устрашение тоже работает неплохо.

Громкие шаги, раздающиеся откуда-то сверху, возвещают о прибытии новых действующих лиц. Вместе со слугами я поднимаю взгляд на лестницу. От страха все деревенеет внутри. Спустились двое мужчин. Один не то помощник, не то секретарь, или кто-то еще в этом роде. Но все мое внимание приковано ко второму.

Виконт Дамиан Телбридж сошел с лестницы и шагнул в мою сторону. Слуги почтительно расступились. Он остановился в нескольких шагах от меня и тоже разглядывает, откровенно изучающе. И молча. Господи, да он же годится мне в отцы! Не иначе драгоценный папочка так давно не видел свою дочь, что просто забыл, сколько ей лет, когда надумал подобрать жениха. А ей, между прочим, не более чем семнадцать! Простите меня, боги, я знаю: нельзя так о покойнике.

Возраст — это еще полбеды, но он и впечатление производит чрезвычайно отталкивающее. Мрачный, угрюмый. В глазах ни тени приветливости. Только отчужденность и почти что осуждение, словно он заведомо обвиняет меня в тех грехах, которые я не успела еще совершить, но непременно совершу в будущем. Губы плотно сжаты. Никакого намека на улыбку. Черные волосы, темная одежда, бледное лицо. Цвет глаз я не разглядела: здесь темно да я и не решаюсь смотреть ему прямо в глаза. От всего облика веет холодом. И у меня внутри все обрывается.

Нет, я не такая уж глупая и наивная, хоть и прожила несколько последних лет запертая в пансионе. Я не романтик и вовсе не ожидала, что между мной и женихом внезапно вспыхнет большое и светлое чувство. На любовь я не рассчитывала, но на что-то немного более скромное я, признаться, надеялась. Дружба? Уважение? А этот человек, кажется, испытывал ко мне лишь неприязнь. И я его уже боялась.

— Леди Вероника Фостер?

Вопрос задан таким тоном, что хочется вытянуться по струнке и по-солдатски крикнуть: «Я!». Но я просто молча киваю, внутри и без того уже чувствуя себя натянутой струной.

Он снова оглядывает меня, как будто только что узнал что-то новое. Заговаривать повторно не спешит. Слуги перешептываются, косясь в мою сторону с от-

кровенной насмешкой. Не иначе ему нравится держать меня в нынешнем идиотском положении.

— Приветствую вас в замке Телбридж.

И на том спасибо.

— Благодарю вас, виконт.

Хотела ответить громко, но голос не слушается, и получилось едва слышное бормотание.

— Простите, милорд, куда прикажете доставить это?

Сопровождавший меня слуга успел еще раз сбежать к карете и теперь вернулся, держа в руке совсем маленький сундучок. Мое приданое. Маленький-то он маленький, почти шкатулка, но под завязку набит драгоценными камнями. Я видела. И он, виконт Телбридж, тоже прекрасно понимает, что это такое. Небось сундучок подробно описан в одном из тех писем, что мой отец отослал ему перед смертью.

— Отнесите в сокровищницу.

Голос звучит холодно, почти равнодушно, будто ему нет до приданого никакого дела. Ага, так я тебе и поверила. Если тебе нет дела ни до меня, ни до приданого, тогда с какой бы стати я здесь оказалась?

— Ивонна!

На этот раз голос хозяина замка звучит повелительно. Из группы слуг выступает невысокая, очень старая женщина. Она сутулится так сильно, что выглядит почти горбатой.

— Да, господин.

Когда старуха склоняет голову, кажется, что еще чуть-чуть — и она переломится пополам.

— Познакомьте миледи со слугами, а затем проводите в ее покои. Помогите ей обустроиться и объясните правила поведения в этом доме. Меня не беспокоить.

Последний взгляд в мою сторону. Он смотрит, слегка прищурившись, затем разворачивается и отправля-

ется вверх по лестнице — туда, откуда пришел. Помощник следует за ним.

Ну, вот и все. Познакомились. Теперь хоть прямоком под венец.

Ивонна действительно представила мне слуг. Не всех, конечно. Тех, кто находился сейчас в зале. Дворецкий, коннетабль, горничная, повариха. Сама Ивонна была ключницей. Амандина — женщина в вызывающем красном платье — оказалась экономкой, чем основательно поколебала мои представления о людях этой профессии. Отчего-то мне казалось, что экономка должна быть женщиной лет сорока или пятидесяти, сухощавой, с бледным цветом лица и прилизанной прической. Амандина с этим образом никак не вязалась. Впрочем, что я знаю об экономках? У нас дома мама сама занималась ведением хозяйства.

Я была так напряжена, что имен остальных слуг не запомнила. Потом Ивонна повела меня вверх по ступенькам на второй этаж и там, открыв темно-коричневую дверь в конце коридора, пропустила вперед себя в одну из комнат. Мои покои мне на первый взгляд понравились. Здесь, в отличие от располагавшегося внизу зала, было светло. Единственное окно было самым обыкновенным, без витража, и довольно большим, а потому солнечный свет проникал сюда беспрепятственно. Кроме того, на столе и стенах было несколько медных канделябров, а на полке обнаружилось много запасных свечей. По-видимому, я все-таки ошиблась насчет экономии: этого добра в замке было предостаточно. И на том спасибо: хоть почитать можно. Книг, кстати сказать, тоже хватало, что несказанно меня порадовало: ими были уставлены несколько полок, а с десяток неуместившихся даже лежали поверх других. В первый раз за все время я испытала к виконту чувство, похожее на благодарность.

Пока горничная разбирала мои вещи, ключница просвещала насчет «правил поведения в этом доме». У старухи не хватало нескольких зубов, и в ее скрипучем шамканье невозможно было различить интонации, которые хоть что-то говорили бы о ее чувствах или настроении. Испещренное морщинами лицо тоже было лишено выражения, так, по крайней мере, мне казалось.

— В замке следует соблюдать тишину, — говорила ключница, не отрывая от меня цепкого взгляда. — Господин виконт не любит шума, суматохи и беспорядка. Господина виконта не следует беспокоить по пустякам. По вечерам он обычно проводит несколько часов в библиотеке. Тревожить его в это время запрещается категорически.

Ну и ладно, не очень-то и хотелось. У меня вот и собственных книг навалом, так что идти в библиотеку мне не понадобится еще долго.

— По ночам господин виконт часто поднимается в северную башню, — продолжала Ивонна. — Входить туда нельзя ни при каких обстоятельствах.

— По ночам? — изумленно переспросила я.

— Иногда и по вечерам. Но все больше по ночам.

Ключница говорила таким тоном, словно для господ это было обычное дело — вместо того чтобы спокойно спать у себя в опочивальне, шляться ночью по башням. Зачем ему это нужно? Разумеется, во мне сразу пробудился нешуточный интерес. Захотелось немедленно пробраться в эту башню и хоть одним глазком взглянуть, что же там такого притягательно-го, что может столь успешно конкурировать с собственной подушкой. Но я не настолько глупа и умею контролировать свои желания. И, ясное дело, ни в какую башню не пойду, ни сейчас, ни впоследствии. Запрещено, значит, запрещено. Мое положение и так незавидное, к чему усугублять его еще больше?

Должно быть, удивление все еще было написано на моем лице. У меня живая мимика, тут ничего не попишешь, хотя при некоторых обстоятельствах это большой недостаток. Старуха глядела теперь как-то по-другому, по-моему, с жалостью.

— А вообще, миледи, если я могу позволить себе дать вам совет... Будет лучше вам и вовсе не беспокоить господина виконта без крайней необходимости, — прошамкала она.

Именно так я и поняла. В сущности, все правила поведения сводились исключительно к этому. Не беспокоить, не тревожить, не шуметь, не мелькать перед глазами. Все предельно ясно. Непонятно только одно: зачем вообще господину виконту жена? Слуги — ладно, это как раз неудивительно. Кто-то же должен поддерживать комнаты в чистоте, наводить порядок, готовить еду, чтобы господину виконту не приходилось заботиться о столь приземленных вещах. А впрочем, может, и жена нужна ему для того же? Чтобы не приходилось задумываться о физиологических потребностях? Ну дабы они не препятствовали спокойному сидению в библиотеке и — по ночам — в северной башне? От этой мысли меня передернуло. Я вообще очень плохо представляла себя в постели с мужчиной, а уж с виконтом... Охраните боги! Впрочем, здравый смысл с неумолимой прямоотой подсказывал: не охранят.

— Хорошо, Ивонна, я учту ваш совет.

Я говорила уважительно, но в то же время постаралась своим тоном дать понять, что ничего не обещаю и все решения буду принимать самостоятельно. Получилось ли? Не знаю.

Я обернулась на горничную; та продолжала сосредоточенно раскладывать вещи. Что там так долго раскладывать? У меня и вещей-то почти нет. Всего несколько платьев все того же ученического фасона, да еще

и старых. Стыдоба. Но в школе с одеждой было не разгуляться. Не из финансовых соображений, нет. Просто так в нас воспитывали скромность.

— В какое время спускаются к завтраку? — спросила я, снова оборачиваясь к старухе.

Та бросила на меня какой-то странный взгляд. Неловкий, что ли? Но голос ее во время ответа не дрогнул.

— Еду вам будут доставлять в ваши покои. Вы можете распорядиться, чтобы ее приносили тогда, когда вам это удобно.

Еще лучше. Стало быть, виконт не собирается со мной встречаться даже во время трапезы. Весьма оригинальные правила. По общепринятым нормам хозяин замка завтракает, обедает и ужинает в обществе не только членов семьи и дальних родственников (если последние проживают на его территории), но и слуг высшего звена. Однако похоже на то, что виконт намерен, насколько это возможно, привязать меня к этой комнате. Спасибо, что пока не физически.

Горничная закончила наконец возиться с вещами, отодвинула к стене опустевший сундук и, стараясь не привлекать к себе внимания, как и положено служанке, выскользнула из комнаты. Ивонна тоже собралась уходить.

— Желаете, чтобы я прикрыла окно? — спросила напоследок она.

— Нет, — устало мотнула головой я. — Оставьте как есть.

— Хорошо, миледи. Только будьте осторожны, не простудитесь на сквозняке.

Я проводила ключницу взглядом, пока она, сторбившись, выходила из комнаты.

Не простужусь. Я вообще никогда не болею.

Оставшись наконец одна, я встала, опираясь обеими руками о спинку стула, и с шумом выдохнула.

Потом взяла с полки свой гребень и подошла к висевшему на стене зеркалу. Это был кусок стекла овальной формы в массивной черной раме, в котором отразилось изможденное лицо запуганной девочки. Не так чтобы полной, но и не субтильной. Лишнего веса у меня нет, но кость широкая, что время от времени заставляло меня комплексовать, сравнивая себя с идеально тонкими фигурами некоторых девочек. Большая грудь тоже заставляла отчаянно комплексовать. Учительница Ариадна, очень строгая и чопорная жрица, хмурилась и говорила, что это большой недостаток, ибо привлекает внимание мужчин и вызывает в них плотские чувства. Правда, учительница Литана, более молодая и более мягкая, потихоньку говорила, что большая грудь — это, наоборот, хорошо, поскольку означает, что у меня вернее всего будет много молока после родов. Дескать, для жриц эта сторона вопроса значения не имеет, потому учительница Ариадна ее и не учла. Меня отчего-то не приводили в восторг ни упрёки последней, ни подбадривание Литаны.

Зато насчет моих глаз мнение было единодушным. Зеленые глаза — это от демонов, и потому они являются признаком греховной сущности. Единственное, что могло слегка компенсировать такой недостаток, — это мое имя, вернее, первая его часть. Девушка, имя которой начинается со слова «вера», не может быть совсем безнадежной. Вот только жрицы не знали, что я не воспринимаю себя как Веронику, а я не спешила их на этот счет просвещать. Мой отец был бароном, и в силу каких-то сложных дворянских правил его дочь, пусть и незаконную, следовало назвать именем, которое начиналось бы на букву «В». Так и появилась Вероника, но мама всегда называла меня Ника или Николь. И только после ее смерти, когда с легкой руки отца я попала в пансион, имя, данное при рождении, всплыло снова.

Круглое лицо обрамляют каштановые, распущенные волосы. Ни длинные, ни короткие. Никакие. Короткие стрижки начали входить в моду еще до того, как я попала в пансион, но в ультрарелигиозной среде они считались неприемлемыми: женщина не может одеваться или стричься подобно мужчине. Когда же мои волосы отрастали достаточно длинными, что мне весьма нравилось, они начинали потихоньку виться. Это тоже не поощрялось, как, впрочем, и все излишне женственное. Так что стоило моим волосам отрасти чуть больше, чем считала допустимым учительница Ариадна, как ко мне вызывалась девушка, которая занималась стрижками. Все лишнее немилосердно отстригали большие грубоватые ножницы. А то, что оставалось, тщательно прилизывалось на голове и собиралось в тугий хвостик. Собственно, именно с такой прической я и приехала сюда.

Отступив от зеркала, я еще раз огляделась. Снаружи постепенно темнело; окно выходило на запад, и, высунувшись из него, я увидела закат, алеющий над силуэтами гор. Красиво. Затем я осмотрела кровать, стол, стулья и полки. Быть может, все не так уж и плохо. Во всяком случае, здесь, в отличие от школы, у меня есть своя собственная комната. К тому же в моем распоряжении масса книг.

Я в предвкушении подошла к полкам и принялась рассматривать корешки. Чем больше я вчитывалась в названия книг, тем мрачнее становилась. «Житие святого Веллира», «Псалмы и молитвы», «Пятьдесят восемь способов искупить грехи», «Как стать безгрешной женщиной», «Демоны и борьба с ними», «Мода для скромниц», «Сто величайших жрецов всех времен», «Сто величайших жриц всех времен», «Инструкции по применению пояса верности», «Целомудрие для чайников», «Проповеди святого Иттара». Последнее произведение — в двенадцати томах.

Я тихонько зарычала, сжав руки в кулаки. Он что, издевается, что ли? Или просто тонко намекает на то, какой я должна быть скромной и набожной? Так я и без него это знаю, в меня эту науку без малого четыре года впахивали всеми возможными способами! В том, что я оказалась не слишком подходящим сосудом для подобного материала, учительницы не виноваты. Они искренне старались. А я быстро научилась делать вид, что жадно ловлю каждое их слово. И искренне верю всему, чему нас обучают. Что нельзя нравиться мужчинам, что зеленые глаза от демонов, что главное украшение девушки — скромность, что чтение любой литературы, кроме религиозной, развращает. И, позволяя себе скрежетать зубами лишь по ночам, ждала, как когда-нибудь выйду из этого замшелого пансиона в свободный мир, будто из склепа на свет. И вот дождалась. Вышла.

Какое-то время я все-таки потратила на чтение. Скрепя сердце выбрала из всей имевшейся литературы жизнеописание святого Гастона, понадеявшись, что книжка худо-бедно сойдет за роман. За роман она, возможно, и сошла, но только за очень скучный. Поэтому чтение мне быстро надоело, к тому же за окном окончательно стемнело, и глаза постепенно устали вылавливать буквы при свете свечей. Я отложила книгу и решила немного пройтись по замку.

Да, конечно, мне было велено не беспокоить виконта и не путаться у него под ногами. Но ведь запрета на выход из комнаты не было, верно? Сейчас виконт, скорее всего, находится в библиотеке. Туда я, так и быть, не пойду, хоть и хотелось бы, конечно, подыскать себе более нормальное чтиво. А может, в замке нормальных книг и нет?.. Еще он может оказаться в северной башне, туда я не стану наведываться тем более. Просто

немного осмотрюсь и сразу же назад. А если увижу виконта, постараюсь быстренько нырнуть в тень, чтобы он меня не заметил.

Так я и сделала. Действительно вышла из своих покоев. И действительно увидела виконта. Я успела пройти совсем недалеко: добралась от своей двери до лестницы. И услышала, как кто-то поднимается по ступенькам. Еще не зная, кого именно увижу, на всякий случай спряталась за той частью лестницы, что вела на следующий этаж. А спустя секунду услышала голоса.

— Как насчет массажа?

Это женский голос.

— Чудесная идея.

Мужской.

— Надеюсь, она к нам не ворвется?

— Брось, с чего бы это?

Когда шаги стали постепенно удаляться по коридору, я осторожно выглянула из-за ступенек. Узнать этих двоих не составило труда. Виконт и Амандина. Они шли рядом, он держал руку у нее на талии. Возле входа в одну из первых комнат они остановились, виконт толкнул дверь, потом притянул экономку к себе и поцеловал в губы. А затем затащил ее внутрь. Прежде чем дверь захлопнулась, я успела услышать женский смех. Должно быть, это была ее спальня. Его покои располагались совсем в другой части коридора.

Я на цыпочках вышла из-за лестницы. Щеки пылали так, словно это меня только что застучали в объятиях мужчины. Медленно, стараясь двигаться как можно более бесшумно, я возвратилась в свои покои и, закрывшись, прижалась спиной к двери.

Обуревавшие меня чувства были весьма противоречивыми. С одной стороны, я радовалась тому, что для удовлетворения физических потребностей у ви-

конта есть в замке другая женщина. Это оставляло шанс на то, что он не будет слишком сильно интересоваться на этот счет моей персоной. Если не будет интересоваться вообще, то тем лучше. С другой стороны, сколь это ни глупо, я чувствовала себя глубоко уязвленной. Как бы то ни было, я все-таки его невеста. И я только что приехала в замок. А он уже изменяет мне прямо здесь с экономкой, не слишком-то при этом и таясь? Да, знаю, нас всему этому учили. Измена есть грех в любом случае, но изменившую жену муж вправе выпороть плетью, а в случае повторной измены обойтись с ней и покруче, в то время как обманутой жене остается лишь покорно сносить свалившиеся на нее тяготы. Но это несправедливо! И он хотя бы ради соблюдения приличий мог проявить ко мне немного большее уважение!

И снова мне не давал покоя вопрос: зачем??? Зачем я понадобилась виконту? С какой стати он надумал взять меня в жены? Я совершенно лишняя здесь, в замке, и это весьма доходчиво было мне продемонстрировано. Об этом нашептывал гуляющий в коридорах ветер, об этом угрюмо молчали холодные камни, и, как я теперь понимала, об этом же всю дорогу надрывно скрипело то многострадальное колесо. А то, чему я стала свидетельницей сейчас, просто явилось последним подтверждением. Мне некуда идти и остается только смириться. Но, во имя богов, зачем???

ГЛАВА 2

На следующий день я совершила еще две вылазки. Отыскала библиотеку — хотя заходить туда не решилась, — обнаружила обеденный зал, приемную, тренировочный зал и выход в сад. Виконта, к счастью, не

встретила и впервые за этот день увидела его, только когда он сам пришел ко мне в покои.

Он постучался и даже благородно дождался, пока я дам разрешение войти. В тот момент я сидела на стуле, но, увидев, кто именно нанес мне визит, сразу же вскочила.

Одет виконт был по-другому, но снова в темные тона. Пока он оглядывал комнату, я украдкой продолжала изучать его. Черные волосы не длинные, но для мужчины и не короткие, лицо все такое же бледное; должно быть, это его обычный цвет; взгляд по-прежнему отчужденный и несколько напряженный.

— Обустроились? — произносит он наконец, снова обращившись ко мне.

Я сразу же отвожу глаза.

— Да, благодарю вас.

— Хорошо.

Он снова молчит. Должна ли я предложить ему сесть? С другой стороны, что он, стесняется, что ли? Виконт ведь, в отличие от меня, находится в собственном замке. Эдак я могу ему предложить чувствовать себя как дома! Так что я просто продолжаю стоять, а он даже не думает садиться.

— Здесь есть все, что вам требуется? — снова спрашивает он.

— Да.

— У вас есть какие-нибудь претензии? Что-то не устраивает? — продолжает он и в ответ на мой удивленный взгляд уточняет: — Работа горничной,стряпня поварихи, что-нибудь еще?

Я энергично мотаю головой.

— Нет-нет, меня все устраивает.

— Хорошо.

Он произносит это таким тоном, что мне становится вполне очевидно: попробовала бы я только предъявить претензию и быстренько бы об этом пожалела.

В этот момент мне становится страшно. Мы стоим совсем близко друг к другу, на расстоянии всего в несколько шагов, в закрытой комнате, и я вдруг остро осознаю, что нахожусь целиком и полностью во власти этого человека, который до сих пор ни разу мне даже не улыбнулся. В сущности, он ведь может сейчас сделать со мной абсолютно все что угодно. И никто потом с него не спросит. А если я стану жаловаться, так меня же еще за это и накажут. И если он меня сейчас не обидит, так только потому, что у него не возникает такого желания.

Я испытываю чувство облегчения, когда виконт поворачивается к двери и собирается уходить, но напоследок он задает еще один вопрос:

— Есть что-нибудь, что вам нужно?

Я не хочу оттягивать его уход и боюсь о чем-либо просить, но понимаю, что это надо сделать. Кто знает, когда еще хозяин замка «осчастливит» меня своим присутствием?

— Сказать по правде, да, — признаюсь я. — У меня... мне не хватает некоторых личных вещей. Кое-что из того, что я использовала в пансионе, не подходит для... обычной жизни. Могу ли я где-нибудь купить недостающие вещи?

— Понимаю. Разумеется. Каждую среду на главной городской площади проходит ярмарка. Там вы сможете купить все, что нужно. И вам вовсе не обязательно обращаться с такими вопросами ко мне. Ивонна все отлично уладит. Что-нибудь еще?

Я поднимаю на него напряженный взгляд. Неужели сам не понимает? Это же унижительно в конце концов! Но приходится перебороть себя и сказать:

— У меня нет денег.

К лицу снова приливает краска. Черт побери, а почему я, собственно говоря, так смущаюсь? Я ведь не бесприданница! Да любого камушка из тех, что щедро

переправил виконту мой отец, хватило бы на шикарный новый гардероб. Я ведь не виновата, что папа даже не подумал о том, чтобы оставить мне самой на расходы хоть самую малость.

— Можете об этом не беспокоиться. Составьте список того, что вам нужно купить, и передайте мне его через Ивонну. Я выдам ей необходимую сумму. Это все?

— Да.

— Отлично. В таком случае спокойной ночи.

Долее не задерживаясь, виконт вышел и закрыл за собой дверь. Я осталась стоять на месте, сцепив руки. «Составьте список!» И что мне прикажете в этот список вносить? Нижнее белье? Ночные рубашки? Глаза начали увлажняться, то ли от обиды, то ли от отчаяния, но я сжала зубы и остановила слезы.

А потом все-таки села и принялась составлять список. Как следует подумав, решила обнаглеть и включить в него целых два платья. На первых порах в придачу к старой одежде мне хватило бы и одного, но я рассчитывала, что выделенные на второе платье деньги можно будет использовать на покупку интимных вещей, перечислять которые виконту я не находила возможным.

Солнечные лучи тревожили холодность стен, проникая в коридор через узкие распахнутые окна и нарушая тем самым мрачную атмосферу замка. Я уже почти привычно прогуливалась по этажу. Такие вылазки стали чуть ли не единственным моим развлечением. Проходя мимо лестницы, я слышала доносившиеся снизу голоса и, против обыкновения, решила спуститься.

Определить, где именно находятся говорящие, не составило труда: дверь в небольшую, уже знакомую мне комнату с круглым дубовым столом была распах-

нута настужь. То, что я слышала, было не похоже на болтовню слуг. К тому же один раз из комнаты вполне отчетливо прозвучал голос виконта, и повелительных ноток в этом голосе не было. Стало быть, если он и не говорил с равными, то, во всяком случае, не отдавал приказы. Возможно, в замке гости?

Мне стало любопытно. Да и чего еще можно было ожидать от семнадцатилетней девочки, и без того любознательной, а в последние дни еще и оказавшейся в полном одиночестве? Я подошла поближе.

— Так вот, заднее колесо телеги застряло между камнями мостовой, — говорил незнакомый мне мужчина, сидевший к двери спиной. — Сколько возница ни старался, сдвинуться с места не мог.

— До чего же плохо там должны были мостить улицы, — заметил виконт, прежде чем протянуть руку к стоявшему на столе кубку.

Слуга услужливо подлил ему вина из кувшина, который держал в руке.

— Да, это правда, — рассмеялся мужчина. — Тамошний градоначальник старался как можно больше денег положить себе в карман, и это сказывалось на состоянии городка.

— А что же, барона это устраивало? Или ему тот городок был безразличен?

Это кастелян, он управляет всеми делами в замке в отсутствие виконта. Если я правильно помню, он дворянин, только безземельный; для таких подобная должность — один из лучших возможных выходов.

Я решила подойти немного ближе. Может быть, на меня наконец-то обратят внимание? Глядишь, даже пригласят присоединиться?

Внимание обратили. На мою голову.

— Леди Фостер? — Виконт смотрел, как всегда, хмуро. — Вам что-нибудь нужно?

Я снова почувствовала, что теряюсь, как и всегда в его присутствии.

— Нет.

Я качнула головой, одновременно вжимая ее в плечи.

— Вас что-то заинтересовало в нашем разговоре?

Если судить по его тону, это было бы страшным грехом с моей стороны.

— Нет-нет, я просто проходила мимо.

— В таком случае не смею вас задерживать.

Я быстрым шагом устремилась прочь, прилагая невероятные усилия, чтобы не побежать, прижимая руки к пылающим щекам. Остановилась возле очередного окна, распахнула его и, опираясь руками о подоконник, высунулась наружу, подставляя лицо порывам ветра. Полностью поглощенная собственным унижением и попытками сдержать слезы, я даже не услышала, как кто-то подошел ко мне совсем близко.

— Госпожа Фостер?

Я обернулась, торопливо утирая глаза. Тот самый мужчина, что сидел за столом вместе с виконтом и кастеляном. На вид ему года двадцать три — двадцать четыре, русые волосы и светло-серые глаза, приятное лицо, выражение которого, как это ни странно, кажется доброжелательным. Впрочем, мне трудно в это поверить, поскольку от доброжелательности я успела окончательно отвыкнуть. Вернее всего, это просто игра света и тени.

— Отчего вы не присоединились к нашему обществу?

Издевается? Я хмуро взглянула ему в глаза. Вроде бы нет. Как это ни смешно, создается впечатление, что он задал вопрос вполне искренне.

— Не хотела вмешиваться в мужской разговор, — мрачно ответила я. — И вообще, почему вы думаете, что это было бы мне интересно?

— Вам, наверное, не было бы, — с сожалением признал мужчина, — зато мы бы точно выиграли. Вы знаете, насколько скучными бывают мужские разговоры в отсутствие женщин?

Я против воли улыбнулась сквозь снова подступившие слезы.

— Интересно, откуда, по-вашему, я могла бы это знать? Если эти разговоры ведутся в отсутствие женщин и, следовательно, не при мне?

— Действительно, — виновато рассмеялся он. — Я как-то об этом не подумал.

Хитрец. Все ты подумал. И нарочно так сказал, чтобы меня развеселить.

— Я совершенно забыл представиться, — воскликнул он, хлопнув себя по лбу. — Простите мою невежливость. Эдмонд Лиер, здешний лекарь.

— Очень приятно. Вероника Фостер.

— Рад знакомству. Вы ведь невеста господина виконта?

По моему лицу снова пробежала тень. Невеста, ага. Хотя уже не терпится стать вдовой.

— Да, — коротко кивнула я.

— Очень рад.

Чему? Знакомству? Или тому, что я — невеста?

— Давно вы приехали? — продолжил расспросы лекарь.

— Позавчера.

— Вот как! А откуда? Если, конечно, не секрет.

Я снова улыбнулась. Какие тут секреты?

— Сейчас — из женского пансиона «Слеза Рейи». А вообще я родом из Мэйриджа.

— Не может быть! — обрадовался он. — Я жил когда-то совсем недалеко оттуда, милях в десяти. А откуда именно из Мэйриджа?

— Поместье Вестхолл. Мы жили там с моей матерью.

— Никогда там не бывал, но название на слуху. А пансион? Вы долго там учились?

— Четыре года.

Эдмонд взглянул на меня как-то странно. Удивленно? Недоверчиво?

— И как вам там понравилось? — осторожно спросил он.

Следовало, конечно, соблюдать приличия и, мило улыбнувшись, ответить: «Спасибо, хорошо». Но моя нервная система за последние несколько дней успела основательно расшататься. И потому, презрев правила этикета, я выпалила:

— Совершенно не понравилось.

Пускай теперь считает меня неблагодарной безбожницей, без должного уважения относящийся к тем, кто денно и ночно заботился о ее физическом и, что куда более важно, духовном благе. Мне все равно.

Но совершенно неожиданно для меня Эдмонд сказал:

— Ничего удивительного! Моя троюродная сестра провела в подобном заведении всего-то полгода, так она до сих пор вспоминает об этом времени как о кошмарном сне.

— А что случилось спустя полгода? — поинтересовалась я.

Он рассмеялся.

— Она не выдержала и сбежала оттуда. Пришлось ее родителям с этим смириться. Хотя они так и не смогли получить обратно ни гроша из тех денег, которые заплатили за ее обучение, а ведь платили за целый год! Но дело-то в том, что тот пансион по сравнению с вашим — просто увеселительное заведение. Я слышал про «Слезу Рейи», это самый строгий пансион в королевстве.

— Не знаю, возможно, — пожала плечами я. Если и так, значит, это еще один повод быть благодарной мое-

му отцу, упокойте, боги, его душу. — В любом случае у вашей троюродной сестры имелось несомненное преимущество: ей было куда бежать. А у меня и у многих других такой возможности просто-напросто не было.

Эдмонд сочувственно покачал головой.

— Но в таком случае вы, должно быть, очень счастливы, что наконец-то вырвались оттуда.

— Да, очень счастлива, — кивнула я с мрачным видом, но на сей раз вдаваться в подробности своих подлинных чувств не стала.

Словно поняв, что я чего-то не договариваю, он прищурился и, кажется, попытался прочесть по моему лицу то, что не было доверено устам.

— Что ж, боюсь, мне пора идти, — сказал он с сожалением, которое казалось искренним. — Очень рад знакомству. Надеюсь, мы с вами скоро встретимся. Я не живу в замке, но бываю здесь очень часто.

— А что, разве виконт болен? — оживилась я.

Уж очень хотелось узнать о его тяжелом недуге и ожидающейся в скором времени кончине. Но увы.

— Если виконт и болен, то мне об этом ничего не известно, — улыбнулся Эдмонд. У него была очень обаятельная улыбка. — Он ни разу не прибегал к моим профессиональным услугам. А вот слуги болеют постоянно. Дворецкий, коннетабль, оружейник, горничные.

Но уж точно не экономка, мрачно подумала я. И действительно, ее лекарь не упомянул.

— Но вы не беспокойтесь, — поспешил исправиться он. — Не думайте, будто замок полон тяжело больных, от которых недолго чем-нибудь заразиться. Ничем таким уж серьезным все эти люди не страдают. Просто, — он хитро прищурился, — людям нравится внимание врачей.

Он подмигнул мне, и я усмехнулась. О страхе речи и не шло. Заразиться я не боялась, поскольку такое ни-

когда со мной не происходит. Я даже не знаю, что такое простуда, не говоря уж о более серьезных недугах.

А между тем Эдмонд протянул мне алый цветок на коротком стебле. Сперва я удивилась, но потом рассмеялась, сообразив, что он попросту успел вытащить этот цветок из стоявшей неподалеку вазы.

— Удачи на тяжелом поприще! — пожелала ему я.

— Спасибо! — ответил он, обернувшись ко мне уже на ходу. — Она непременно мне понадобится!

В тот день мое настроение существенно улучшилось.

Ярмарка ошеломила меня многообразием людей, товаров, красок и запахов. Только теперь я поняла, насколько, оказывается, не просто отстала от жизни, а вообще забыла, что это такое — жизнь. Настоящая, бурлящая, бьющая через край. Так что первое время я даже не думала о покупках, а просто бродила между рядами, жадно пожирая глазами прохожих, присматриваясь к нарядам и прическам женщин, разглядывая ткани, обувь, ковры, фляги, кожаные сумки, вырезанные из дерева детские игрушки, да буквально все, мимо чего проходила.

Потом, спустя где-то час, вдоволь наглядевшись и немного разобравшись с ценами, я принялась за покупки. Мои опасения в денежном отношении оказались напрасными. Во-первых, сопровождавшая меня Ивонна хоть и носила кошель при себе, но выдавала мне его по первому требованию, денег не считала и вообще, похоже, выполняла в этом отношении только одну функцию: охраняла монеты от воров, которых в подобных местах всегда бывает немало. Во-вторых, как вскоре выяснилось, денег виконт выдал вдвое больше, нежели требовалось на перечисленные мной вещи. Поэтому я со спокойной совестью купила и два платья (помимо тканей на ярмарке можно было при-

обрести и готовую одежду), и белье, и прочие интересовавшие меня мелочи вроде булавок, ниток, шпилек и прочая, а в кошеле все еще было чему позвякивать.

Два товара, увиденные в тот день на ярмарке, основательно смутили мой покой. Первым было платье. Шелковое платье в пол, изумрудного цвета, приталенное, с расширяющимися книзу рукавами и длинным шлейфом. Я долго не могла оторвать от него взгляда, рассматривала, теребила, но всерьез и подумать не могла о том, чтобы его купить, — пока эту идею не озвучила заметившая мои метания портниха.

— Покупайте, леди, о чем тут можно думать?! — воскликнула она, прикладывая платье к моей фигуре. — Вы только взгляните, как вам идет этот цвет! При ваших восхитительных глазах грешно носить такие блеклые тона! — Это она тонко намекнула на платье из пансиона, что было надето на мне в этот день.

— Мне кажется, такое платье все-таки не для меня, — робко сказала я, попытавшись впихнуть ей назад ярко-зеленое искушение.

Не тут-то было.

— Взгляните на себя. — Кивок в сторону прислоненного к прилавку зеркала. — Вы молодая, хорошенькая, у вас прекрасная фигура и такой редкий цвет глаз. Вы просто обязаны блистать! Кому носить такое платье, если не вам?!

Я прикусила губу, с сомнением рассматривая наряд.

— У него слишком яркий цвет, я не привыкла ни к чему подобному... Вы не находите, что это излишне вызывающе?

— Вызывающе?! — всплеснула руками портниха. — Вы видите в этом платье хоть что-нибудь вызывающее? — тут же обратилась она к проходившей мимо женщине. Та улыбнулась и на ходу покачала головой. — Вот видите! — вновь обратилась она ко мне.